

Шарапов Роман Дмитриевич,
доктор юрид. наук, профессор, профессор кафедры
Санкт-Петербургского юридического института (филиала)
Университета прокуратуры Российской Федерации
srd72@mail.ru

ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ И ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ СОСТАВОВ ОБЩЕУГОЛОВНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ В ИНТЕРНЕТ-ПРОСТРАНСТВЕ

УДК 343.23

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению некоторых вопросов квалификации и законодательной регламентации составов общеуголовных преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. Дана критическая оценка включению использования информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть «Интернет») в качестве квалифицирующего признака в состав организации деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства, раскрыты вопросы квалификации жестокого обращения с животными с использованием информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть «Интернет»).

Ключевые слова: информационно-телекоммуникационные сети, самоубийство, интернет-пространство, убийство, жестокое обращение с животными.

Roman D. Sharapov,
*The Doctor of juridical Sciences, the professor Professor of Saint-Petersburg
Law institute (branch) of University of the Office of the Prosecutor
of the Russian Federation*
srd72@mail.ru

QUALIFICATION AND LEGISLATIVE REGULATION OF THE COMPOSITIONS OF GENERAL CRIMES COMMITTED IN THE INTERNET SPACE

Abstract. The article is devoted to the consideration of some issues of qualification and legislative regulation of the corpus delicti of common crimes committed with the use of information and telecommunication technologies. A critical assessment is given of the inclusion of the use of information and telecommunication networks (including the Internet) as a qualifying feature in the organization of activities aimed at inducing suicide, the issues of qualification of cruelty to animals using information and telecommunication networks (including the «Internet»).

Keywords: information and telecommunication networks, suicide, internet space, murder, cruelty to animals.

1. В общей структуре преступности в России преступления, совершенные с использованием информационно-телекоммуникационных технологий (далее — киберпреступления), характеризуются беспрецедентным в сравнении с другими видами преступлений ежегодным увеличением удельного веса. В 2019 г. зарегистрировано 294,4 тыс. таких преступлений, что на 68,5% больше, чем за 2018 г. В общем числе зарегистрированных преступлений в стране (2024,3 тыс.) удельный вес киберпреступлений увеличился с 8,8% в 2018 г. до 14,5% в 2019 г. Более половины из них (53,3%) соверша-

ется с использованием сети «Интернет» (157,0 тыс. — прирост 45,4%), более трети (39,5%) — средств мобильной связи (116,2 тыс. — прирост 89,5%). Четыре таких преступления (80,0%) из пяти совершаются путем кражи или мошенничества (235,5 тыс. — прирост 83,2%) [1].

За семь месяцев 2020 г. незначительный рост (0,5%) преступности в стране объясняется увеличением доли регистрации киберпреступлений на 94,6% по сравнению с аналогичным периодом прошлого года [2].

На прошедшем в Генеральной прокуратуре РФ в июле 2020 г. заседании Координационного совещания руководителей правоохранительных органов было отмечено, что за последние 5 лет число киберпреступлений возросло в 25 раз, а их раскрываемость остается низкой (25%) [3].

2. В числе киберпреступлений не только посягательства, которые в силу специфики признаков состава преступления не могут быть совершены никак иначе, кроме как с использованием информационно-телекоммуникационных технологий (преступления в сфере компьютерной информации, хищение безналичных и электронных денежных средств), но и все чаще разного рода общеуголовные (террористическая деятельность, незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ, порнографических материалов, оружия и боеприпасов, развратные действия, организация занятия проституцией и пр.), экономические (незаконная организация и проведение азартных игр, легализация (отмывание) имущества, приобретенного преступным путем, и пр.), государственные (государственная измена и шпионаж, преступления экстремистской направленности и пр.), служебные (злоупотребление должностными полномочиями, взяточничество и пр.) и другие преступления. Совершение некоторых преступлений с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, например, развратных действий, убийств, было сложно представить до появления широкого доступа к сети «Интернет» и значительного распространения беспроводных средств связи индивидуального пользования, позволяющих в кратчайшие сроки доносить большие объемы информации, в том числе с элементами негативной суггестии, до конкретных получателей. Таковы широко известные случаи распространения в сети «Интернет» инструкции «Как стать феей огня из “Винкс” в домашних условиях?», явно рассчитанной на массовое убийство детей и их близких [4, с. 78].

Характерным признаком киберпреступлений является способ их совершения — с использованием информационно-телекоммуникационных сетей. В ряде составов преступлений данный способ посягательства является конститутивным (криминообразующим) признаком (например, ч. 3 ст. 137, ст. 159⁶, ст. 171², ст. 185³, ст. 282 УК РФ). Чаще всего совершение преступления с использованием информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть «Интернет») предусматривается в качестве квалифицирующего признака состава преступления, являющегося одним из основных средств дифференциации уголовной ответственности.

3. Не всегда, однако, дифференциация уголовной ответственности с использованием указанного квалифицирующего признака, на наш взгляд, является удачной. Одним из основных правил законодательного конструирования квалифицированных составов преступлений, разработанных в теории дифференциации уголовной ответственности, является то, что «обстоятельства, которым придается статус квалифицирующих признаков, не должны быть нормой для большинства преступлений с основным составом» [5, с. 183; 6, с. 36]. Другими словами, должна быть нехарактерность отягчающего обстоятельства, претендующего на роль квалифицирующего признака, для большинства случаев совершения данного преступления, предусмотренного в основном составе. С этой точки зрения не выдерживает критики конструкция статьи 110² УК РФ, часть первая которой предусматривает ответственность за организацию деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства путем распространения информации о способах совершения самоубийства или призывов к совершению самоубийства, а часть вторая — за совершение того же преступления, если оно сопряжено с публичным выступлением, использованием публично демонстрирующегося произведения, средств массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть «Интернет»).

Уже на стадии законопроектной работы над Федеральным законом № 120-ФЗ от 07.06.2017, дополнившим УК РФ ст. 110², было ясно, что организация деятельности, направленная на побуждение к совершению самоубийства, осуществляется злоумышленниками, как правило, в сети «Интернет». Авторы законопроекта в его обоснование ссылались на созданные сайты с соответствующей суицидальной тематикой, «игры», предполагающие вовлечение ребенка в суицидальную модель поведения, приводили данные официальной статистики, касающейся выявления запрещенного суицидального контента в сети «Интернет» [7]. Таким образом, факты организации деятельности, направленной на

побуждение к совершению самоубийства, с использованием сети «Интернет», составляют, как можно предположить, основную долю посягательств, криминализированных в ст. 110² УК РФ, т.е. использование информационно-телекоммуникационных сетей, в частности, сети «Интернет», является обычным делом, «нормой» при совершении данного преступления. Что касается основного состава данного преступления, предусмотренного частью первой указанной статьи, то случаи его совершения следует считать исключительными. Отсюда следует вывод, что квалифицированный (т.е. с отягчающими обстоятельствами), по замыслу законодателя, состав преступления фактически выполняет роль основного состава, в то время как основной состав преступления, предусмотренный в ч. 1 ст. 110² УК РФ, в действительности обретает функции привилегированного (т.е. со смягчающими обстоятельствами) состава преступления.

Критические замечания подтверждаются данными судебной статистики. Так, в 2018 г. за организацию деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства, при квалифицирующих обстоятельствах (ч. 2 ст. 110² УК РФ) осужден 1 человек. В 2019 г. за это преступление осужден 1 человек, а 2 человека, действия которых были квалифицированы по ч. 2 ст. 110² УК РФ, признаны неменяемыми. По ч. 1 ст. 110² УК РФ в указанные годы не было вынесено ни одного итогового судебного решения [8]. В условиях дальнейшего неприменения состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 110² УК РФ, имеются основания считать данную уголовно-правовую норму «мертворожденной».

Соответствующей законодательной ошибки удалось избежать при конструировании уголовно-правовых норм, предусмотренных ст. 207¹ и ст. 207² УК РФ. В данных статьях предусматриваются составы преступлений, типичным способом совершения которых является использование информационно-телекоммуникационных сетей.

4. В последнее время законодатель не считает себя связанным с разработанным в теории дифференциации уголовной ответственности правилом, согласно которому квалифицирующие обстоятельства должны быть связаны с временными рамками преступления, т.е. они должны сформироваться до момента окончания преступления, характеризуя степень его общественной опасности и личности виновного, поэтому не могут быть квалифицирующими признаками акты посткриминального поведения (например, сокрытие совершенного преступления). Характерным примером игнорирования этой рекомендации является включение в ст. 264 УК РФ квалифицирующего признака «оставление места нарушения правил дорожного движения или эксплуатации транспортных средств».

Такому же примеру законодатель последовал, включив в ч. 2 ст. 245 УК РФ квалифицирующий признак «с публичной демонстрацией, в том числе в средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть “Интернет”)» (пункт «г»), что, без сомнения, обусловлено повышенной общественной опасностью преступления «за счет трансляции фактов применения насилия к животным на индивидуально-неопределенную аудиторию, имеющую возможность в любой момент осуществить просмотр, в результате чего основному объекту посягательства — общественной нравственности в сфере взаимоотношений человека и животных наносится дополнительный существенный вред» [9]. Данное обстоятельство, когда виновный намеренно выставляет совершаемое им преступление на обозрение неопределенного круга лиц, свидетельствует о глубокой социально-нравственной деградации личности преступника.

В структуре состава преступления указанный квалифицирующий признак играет неоднозначную роль. В одних случаях он может характеризовать обстановку преступления, когда жестокое обращение с животным совершается виновным прилюдно, в присутствии большого количества человек, являющихся очевидцами преступления (публичная расправа с животным на многолюдной улице, организация акта живодерства в качестве зрелищного мероприятия и т.п.).

В других случаях публичная демонстрация является самостоятельным противоправным действием, входящим в объективную сторону состава преступления, что позволяет охарактеризовать посягательство как преступление с двумя действиями. В таком качестве публичная демонстрация живодерства необязательно должна сопутствовать совершению основного преступного деяния, как, например, в ситуации, когда акт жестокого обращения с животным тут же демонстрируется при помощи видеотехнических средств в сети «Интернет» в режиме прямого эфира. Публичная демонстрация может последовать за совершенным актом живодерства, когда основной состав преступления, предусмотренный ч. 1 ст. 245 УК РФ, является оконченным. Последнее чаще всего случается, когда, скажем, виновный производит видео- или фотосъемку жестокого обращения с животным, а затем, спустя некоторое, иногда продолжительное, время, размещает видеозапись или фотоснимки в сети «Интернет» для все-

общего обозрения пользователей сети. При этом преступление, предусмотренное п. «г» ч. 2 ст. 245 УК РФ, следует считать юридически оконченным не с момента гибели животного или причинения ему увечий, а с момента размещения или показа соответствующих видео- или фотоматериалов для публичного обозрения вне зависимости от того, ознакомился кто-либо с этими материалами или нет (размещение информации на видеоканале в сети «Интернет», ее массовая рассылка абонентам по электронной почте или при помощи мобильной связи, вывешивание плакатов или фотоматериалов с изображением сцен жестокого обращения и т.п.).

Отмеченная особенность конструкции состава преступления и его квалификации свойственна также посягательству на незаконные добычу и оборот особо ценных диких животных и водных биологических ресурсов, принадлежащих к видам, занесенным в Красную книгу Российской Федерации и (или) охраняемым международными договорами Российской Федерации, если эти деяния совершены с публичной демонстрацией, в том числе в средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть «Интернет») (п. «б» ч. 2 ст. 258¹ УК РФ).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Состояние преступности в России: ежегодный сборник / МВД РФ: ФКУ ГИАЦ [Электронный ресурс]. URL: <https://мвд.рф> (Дата обращения: 30.08.2020).
2. Официальный сайт МВД РФ [Электронный ресурс]. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/20901417> (Дата обращения: 30.08.2020).
3. Официальный сайт Генеральной прокуратуры РФ [Электронный ресурс]. URL: <https://genproc.gov.ru/smi/news/genproc/news-1880616> (Дата обращения: 30.08.2020).
4. Шарапов Р.Д. Квалификация преступлений, связанных с вовлечением в самоубийство и иное опасное для жизни поведение // Уголовное право. 2017. № 6. С. 78-83.
5. Кругликов Л.Л., Васильевский А.В. Дифференциация ответственности в уголовном праве. СПб., 2002. 300 с.
6. Козаченко И.Я., Костарева Т.А., Кругликов Л.Л. Преступления с квалифицированными составами и их уголовно-правовая оценка. Екатеринбург, 1994. 59 с.
7. Пояснительная записка к проекту Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части установления дополнительных механизмов противодействия деятельности, направленной на побуждение детей к суицидальному поведению» [Электронный ресурс]. URL: <http://asozd2.duma.gov.ru> (Дата обращения: 03.09.2020).
8. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5259> (Дата обращения: 03.09.2020).
9. Пояснительная записка к проекту Федерального закона «О внесении изменений в статью 245 Уголовного кодекса Российской Федерации и статьи 150 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: <http://asozd2.duma.gov.ru> (Дата обращения: 03.09.2020).